

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11
УДК 32(045)

Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России)*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия; ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается весьма сложный вопрос о культурном коде, лежащем в основе российской цивилизации. Автор анализирует структуру политической культуры, вычленяет ее «онтологическую» составляющую, предлагает свою версию набора констант, определяющих базисные основы национальной ДНК. При этом в результате компаративного анализа имперского, советского и постсоветского опыта прослеживается их укорененность и преемственность в отечественной политической культуре.

Ключевые слова: Россия; ДНК; генетический код; политическая культура; политическое сознание; политическое поведение; константа; ценности; онтология

Для цитирования: Шатилов А.Б. Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11

ORIGINAL PAPER

Statics and Dynamics of Russia's Political Culture in the XX–XXI Centuries (to the Question of the DNA of Russia)**

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia; INION RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article raises a very difficult question about the cultural code underlying the Russian civilization. The author analyzes the structure of political culture, singles out its “ontological” component, offers his own version of a set of constants that determine the basic foundations of national DNA. At the same time, as a result of a comparative analysis of the imperial, Soviet and post-Soviet experience, their rootedness and continuity in the domestic political culture can be traced.

Keywords: Russia; DNA; genetic code; political culture; political consciousness; political behavior; constant; values; ontology

For citation: Shatilov A. B. Statics and dynamics of Russia's political culture in the XX–XXI centuries (to the question of the DNA of Russia). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11

* Проект «Генетический код Российской государственности. Политическая система периода СССР» № 122101100042-2 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

** The project “The genetic code of Russian statehood. The Political System of the USSR Period” No. 122101100042-2 was implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Теория политической культуры крайне сложна и дискуссионна. Данное направление в политологии является достаточно молодым, первые работы по этой тематике стали появляться на Западе лишь после Второй мировой войны, да и то были весьма конъюнктурны. Их задача состояла, с одной стороны, в том, чтобы объяснить, почему в «просвещенной» и либеральной Европе неожиданно возник «нацистский всплеск», с другой — чтобы провести более чем ангажированные параллели между режимами А. Гитлера, Б. Муссолини и сталинским СССР (что было вполне понятно с учетом начавшейся холодной войны). В дальнейшем стали появляться более «научнообразные» исследования, но опять же сильно идеологизированные и находившиеся в русле «антитоталитарного» направления. В СССР политикокультурные статьи и монографии вообще появились на завершающем этапе перестройки и представляли собой попытку объяснить характер советского варианта «демократического транзита». Впоследствии в российской историографии сформировались два базовых подхода к исследованиям в области политической культуры: одни ученые (не отрицая в целом приоритетов либерально-демократической модернизации) пытались понять спонтанный или «отраженный» характер переходного периода, другие же задавались вопросом о преемственности основ политической культуры в царский, советский и постсоветский периоды. Тем не менее к началу 2000-х гг. исследования политической культуры становятся достаточно редким явлением как в российской, так и зарубежной политической науке. Это происходит, во-первых, в силу виртуальности темы и слабой верифицируемости результатов исследований (попытки представить доказательную базу в виде статистических данных и соцопросов были не слишком убедительны, а зачастую прямо политически ангажированы). Во-вторых, в силу «моды» на исследование «верхов» современной политики (власти, элит, лидерства и пр.). Политическая культура с ее народными глубинными архетипами массового сознания сюда не вписывалась и была оттеснена на периферию политического знания. В-третьих, в условиях относительной политической и социально-экономической стабильности народные массы не рассматривались в качестве влиятельного и самостоятельного политического актора. Определенный интерес к «охлосу» возник в свете цветных революций 2000–2011 гг., но с учетом достаточно быстро выяснившейся их по-

литтехнологической и манипулятивной сущности этот интерес быстро исчез.

Для России после 2014 г. вопрос о политической культуре, национальном культурном коде и ДНК является не технологическим, а онтологическим. От того, насколько мы сумеем понять существо нашего генетического кода и использовать наши лучшие национальные черты, зависят свобода и суверенитет России в развернувшемся глобальном противостоянии с Западом [1].

Если говорить о структуре политической культуры, то обычно выделяют два ее компонента — политическое сознание и политическое поведение. Нас будет, прежде всего, интересовать именно политическое сознание, поскольку именно в него вписаны глубинные основы нашего мировоззрения и национального характера. В свою очередь, политическая теория разделяет политическое сознание на базовую социально-политическую онтологию и ценностные ориентации. При этом онтологическая часть политического сознания представляет собой комплекс политических, этических, социально-экономических констант, которые сформировались за сотни лет российской истории и гарантированно откладываются в массовом сознании россиян, зачастую даже на бессознательном уровне. Более того, данный компонент политического сознания является максимално статичным, практически неререформируемым, его трудно изменить в одночасье, он придает устойчивость и консолидирует нацию как культурную целостность. Кроме того, в ходе социализации константы политического сознания передаются из поколения в поколение, регулярно воспроизводясь на новом этапе жизни социума. При этом второй компонент политического сознания — ценностные ориентации — вполне подвижен и динамичен, политические предпочтения являются весьма конъюнктурными, легко меняются под влиянием конкретных обстоятельств и даже политической моды. При этом глубинные основы, невзирая на всю свою подспудность, являются доминирующими в политическом сознании [2].

С точки зрения исследования ДНК России чрезвычайно важно проанализировать и сопоставить базовые основы массового сознания имперского, советского и постсоветского общества, прежде всего, для того чтобы выявить их политикокультурную преемственность и «укорененность».

Рассмотрим сперва царский (имперский) период российской истории. В это время складывается весьма **устойчивая государственническая константа в сознании населения. Запрос на сильную,**

авторитетную и народную власть становится частью политической культуры жителей Российской империи (прежде всего, великороссов). При этом поддержка «снизу» касалась не столько властных институтов (тем более, коллегиального плана), сколько правящих персон. «Персонализация» власти влекла за собой оценку ее эффективности и продуктивности через призму личности монарха, и лишь самые сильные из них становились в народе культовыми: Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, отчасти — Александр III. При этом слабые властители вызывали скепсис даже у лоялистов, придерживавшихся принципа: «любая власть от Бога». Более того, в политическом сознании нашего населения «этатизм» парадоксальным образом соседствует с бунтарским началом, которое проявляется в том случае, если руководство страны, с точки зрения населения, является «ненастоящим», т.е. не соответствующим народным идеалам. В этом случае разочарование может проявляться в диапазоне от «народ безмолвствует» до «долой самодержавие». Как видно из отечественной истории, наиболее проблемными монархами, с точки зрения восприятия населением, были безвольные «лукавый щеголь» Александр I, «великий реформатор» Александр II, «профнепригодный» Николай II. При этом не стоит искать какой-то объективности в народной оценке эффективности деятельности монархов. Так, Александр I, невзирая на то, что одержал победу в Отечественной войне 1812 г., пользовался весьма неоднозначной репутацией у элиты и населения. И если элита ставила Александру Павловичу в вину отцеубийство, то общественное мнение — оторванность от народа (в то время как фельдмаршал М.И. Кутузов воспринимался почти как свой). Кстати, достаточно популярный в «низах» миф о старце Федоре Кузьмиче, который якобы на самом деле был ушедшим из мира Александром I, несколько реабилитировал царя в глазах подданных. Что же касается Николая II, то ему народное мнение не простило слабости, нерешительности и влияния супруги, поскольку в период его царствования требовалась совершенно иная, жесткая и последовательная политика. В итоге такой «слабости» он снискал себе нелюбовь у населения и прозвище «Кровавый», хотя пролил крови гораздо меньше, чем тот же Петр, известный в народе как «Великий». Ну а добровольное отречение Николая II от власти лишь усугубило негативный имидж царя и династии, поскольку воспринималось населением как капитуляция «помазанника Божия».

Имперский период формально завершился с падением царского режима в 1917 г., причем, невзирая

на ошибочные стереотипы как либерального, так и марксистского характера, он был ликвидирован не столько «несистемными» большевиками-«скифами», сколько «прекраснодушными реформаторами-западниками» типа А. Керенского, П. Милюкова, А. Гучкова и пр. Однако после прихода к власти коммунистов, как это ни парадоксально, целый ряд мировоззренческих констант пусть в несколько модифицированном виде, остались в политическом сознании народа и стали влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства. Это касалось и «этатистского» начала, которое проявилось уже в годы гражданской войны в виде поддержки Советской власти (многие интеллектуалы и народные массы того времени воспринимали большевиков как носителей новой российской государственности), затем в годы формирования СССР и выбора стратегического пути «построения социализма в отдельно взятой стране». И, опять же, нельзя все сводить исключительно к репрессивной составляющей политики советского руководства. Да, оно весьма жестоко карало как прямых идеологических противников («красный террор»), так и «уклонистов» в своих рядах (репрессии 1937–1939 гг.), но поддержка «снизу» команды И.В. Сталина была вполне искренней. Населению импонировал аскетичный быт вождя, его нацеленность на решение государственных задач, сила воли и наведение порядка «железной рукой». Поэтому существовавший «культ личности» воспринимался народными массами как само собой разумеющийся и фанатизм советских граждан был вполне мотивированным.

В то же время главный антагонист Сталина, его преемник на посту руководителя партии Н.С. Хрущев, воспринимался населением достаточно скептически. Во-первых, ему в вину ставили «несолидный» волюнтаристский стиль поведения; во-вторых, непоследовательную и неэффективную внешнюю и внутреннюю политику (чего стоила только амнистия всем без исключения немецким пособникам и сепаратистам, объявленная в 1955 г.); в-третьих, при Хрущеве расцвело местничество, кумовство и землячество, что также противоречило народным идеалам равенства и справедливости. Кстати, последнее обстоятельство скомпрометировало в глазах населения и Л.И. Брежнева, который в остальном оценивался (по крайней мере, до утраты дееспособности) достаточно позитивно и «по-царски».

После смерти Брежнева у населения СССР ощущался запрос на сильную и волевою личность у рычагов управления страной. При этом надежды возлагались сперва на Ю.В. Андропова с его борьбой

против коррупции, затем на М. С. Горбачева с его «перестройкой, ускорением и гласностью», потом на «народного демократического лидера» Б.Н. Ельцина. Но каждый раз надежды разбивались о реальность. Так, Андропов достаточно быстро ушел из жизни, Горбачев не оправдал первоначальных народных «авансов», продемонстрировал слабость и «развалил» СССР, Ельцин провел «шоковую терапию» и окружил себя олигархами. И лишь приход к власти В.В. Путина и его политика были восприняты гражданами России как возрождение реальной власти. Причем в актив Путину заносились не только его курс стабилизации (позже — инновационного развития), восстановление территориальной целостности России, попытки создания «социального государства», но и такие «субъективные» и «персональные» моменты, как солидность поведения, сдержанность, дозированный популизм, независимый курс во внутренней и внешней политике, «равноудаленность» от различных элитных групп и центров влияния, подчеркнутый патриотизм. При этом такое доверие оказалось весьма пролонгированным — высокие рейтинги В.В. Путина не смогли поколебать ни внутренние (теракты, гибель «Курска», пенсионная реформа), ни внешние (санкции, Крым, СВО) проблемы¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идеальная власть в политической культуре нашего народа должна быть:

- персонифицированной;
- сильной и ответственной;
- в пределах разумного «народной», по крайней мере, соответствовать народным запросам;
- патриотичной и ориентированной на отстаивание национальных интересов;
- справедливой.

При соблюдении указанных выше «параметров» население готово простить власти практически любые трудности и испытания — войну, ограничение потребления, «закручивание гаек», непопулярные реформы и пр.

Еще одной константой национального ДНК является общественный коллективизм, ориентированность на «общее дело» и «соборность». Как писал в своей статье А.З. Стризов, «ценности и традиции российской политической культуры отражают не только исторический и политический опыт общества, но и социокультурный опыт самосохранения, управления и развития. Достижение

этих целей предполагает интеграцию и консолидацию дифференцированного во многих отношениях сообщества» [3]. Индивидуализм и эгоизм никогда не поощрялись народом, но это не означало, что в российском обществе господствовали усредненность, «уравниловка», дюжинность, как об этом принято писать в западной научной литературе и работах отечественных либералов. Россия дала миру слишком много выдающихся людей, с ярко выраженной индивидуальностью и талантами, чтобы эти утверждения были правдой. Однако избретательность, сметка и деловые способности признавались и одобрялись лишь в том случае, если они были вписаны в этический кодекс российской политической культуры и не приводили к обособлению индивида от общества и государства. Причем эти этические требования формулировались на уровне как городской, «просвещенной» публики, так и крестьянской общины. После 1917 г. коллективизм стал одной из основ коммунистической идеологии в СССР, при этом личность не растворялась в коллективе, но была его частью, выполняя определенные значимые функции, т.е. являлась так называемой «симфонической личностью», как об этом писали идеологи евразийства. Примечательно, что при смене политического строя на рубеже 1980–1990-х гг. идеологами «перестройки» и рыночных реформ была предпринята мощная атака на коллективистские устои российского социума. В этот период российские реформаторские элиты активно заимствовали западный политический и экономический опыт, преподнося как непреложный факт, что индивидуалистическая демократия, «атомизированное» общество и «протестантская этика капитализма» являются универсальным залогом процветания и благополучия. Тем не менее «рыночный угар», овладевший массами в начале 1990-х гг., достаточно быстро пошел на спад. Это было связано не только с социально-экономическим кризисом, разгулом бандитизма, властью «семибанкирщины» и «парадом суверенитетов». Основная причина — в несоответствии реалий тех лет идеалам коллективизма и соборности. Уже в середине 1990-х гг. данная константа начала на подсознательном уровне «оппонировать» западническим и рыночным приоритетам постсоветских реформаторов. Это выразилось, с одной стороны, в массовой ностальгии по «старым добрым временам» СССР, с другой — в росте протестных настроений. Однако избрание президентом России В.В. Путина, сделавшего ставку на принципы «соборности» и «общего дела», достаточно быстро

¹ URL: <https://ourcountryindata.ru/rejting-doveriya-putinu-s-1999-goda-vcziom-levada-i-fom/>

примирили общество с властью и обеспечили их синхронное взаимодействие.

Немаловажной составляющей российского ДНК является стремление к правде и справедливости. Оно также является «укорененным», уходящим корнями в допетровское прошлое, когда многие вопросы решались «не по закону, а по совести». Да и позже, в XVIII–XIX вв., субъективная и нередко произвольно понимаемая правда явно противопоставлялась мертвому юрицизму западного толка. Во многом на этой идее «справедливого и светлого коммунистического общества» эффективно сыграли большевики, придя к власти и обеспечив себе народную поддержку на длительную перспективу (вплоть до 1960–1970-х гг., когда стало очевидно, что коммунизм является недостижимой фикцией). В постсоветский период данные идеалы также сохраняли свою актуальность. Примечательно, что свою избирательную кампанию 1991 г. Б.Н. Ельцин построил именно на критике несправедливости власти «партократов», ее оторванности от народа². Более того, в противовес своим оппонентам первый президент России всячески демонстрировал свою «созвучность» с широкими слоями населения, «народность» и «демократизм». Именно поэтому впоследствии, когда такого рода народные ожидания не оправдались, рейтинги Б.Н. Ельцина обвалились и их пришлось реанимировать к кампании 1996 г. за счет массированных финансовых и информационных «вливаний». При этом в вину Ельцину общественное мнение ставило не только «антинародный экономический курс», но в большей степени — выстраивание в России «олигархической» политической системы. В период правления В.В. Путина такого рода противоречия власти и общества в целом удалось сгладить, хотя и сейчас у населения при полной поддержке главы государства нередко встречается недовольство его окружением³.

Одной из важных традиционных ценностей России является **приоритет семьи и преемственности поколений**. Это во многом обеспечивает устойчивость нашего общества и относительно гармоничную передачу опыта и знаний от старших поколений к младшим. Конечно, в истории нашей страны не обошлось и без достаточно серьезных конфликтов «отцов и детей», — это было и в 1917, и в 1991 гг. Однако это были, скорее, «тактические» и «идеологические» межпоколенческие столкно-

вения, поскольку они не затрагивали глубинных социокультурных основ. Ценности Семьи, Дома, Родины все равно оставались доминирующими. Определенную тревогу вызывают современные межпоколенческие отношения, в рамках которых мы наблюдаем определенное обособление поколенческих групп, взаимные обвинения в «эйджизме», нежелание молодежи признавать опыт старших [4]. Однако с началом СВО на этом направлении наблюдаются определенные позитивные подвижки — атмосфера «осажденного лагеря» вольно или невольно сплачивает поколения, к тому же в России была ограничена деятельность деструктивных общественных и политических организаций, а многие ЛОУМы-иноагенты, разжигавшие межпоколенческую рознь, покинули территорию страны.

Важной отечественной скрепой является «национальный» характер государства. Российская империя, СССР, а затем Российская Федерация отличались крайне низким уровнем ксенофобии и расизма. Даже в тех случаях, когда наша страна проводила расширение границ или восстанавливала территориальную целостность (Кавказская война XIX в., первая и вторая Ичкерийские войны, СВО), она никоим образом не дискриминировала побежденные народы, а на равноправной основе интегрировала их в общегосударственную жизнь. Более того, хотя царскую Россию и Советский Союз (последний с известным допуском) и можно отнести к империям, но они были империями асимметричного и неклассического типа: окраины не эксплуатировались, а развивались; Москва выделяла дотации союзным республикам, где оказывалась широкая поддержка национальным меньшинствам в развитии культуры, литературы и языка. Такой подход сохранился и в Российской Федерации, где уже в середине 2000-х гг. удалось преодолеть межнациональные противоречия и конфликты, создать «полифоническую» единую нацию, объединить народы на почве строительства новой «большой государственности». Примечательно, что даже из радикальной политической риторики практически исчезли популистские агитки, типа «хватит кормить Кавказ», а Рамзан Кадыров воспринимается нашим обществом как русский патриот.

Тесно связана с предыдущей еще одна константа отечественной политической культуры — **патриотизм и высокий боевой дух при защите общего Отечества**. Так было в Российской империи и Советском Союзе, так происходит и сейчас в ходе глобального противостояния, когда «на кону» находятся суверенитет и само существо-

² URL: <https://sovtime.ru/blog/predvybornaya-programma-eltsina-1991>

³ URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>

вание нашей нации. Фактически в настоящее время идет третья по счету Отечественная война — Россия воюет не с Украиной, а с современной западной цивилизацией, которая ранее уже дважды (в 1812 г. и 1941–1945 гг.) пыталась «подмять» под себя нашу страну. Крайне интересным является факт переформатирования в условиях СВО российского гражданского общества. Осознавая ответственность момента, оно отказалось от традиционного оппонирования власти и активно подключилось к обеспечению национальной

безопасности, иногда даже страхуя государство на «проблемных» направлениях (ЧВК, военное волонтерство, добровольчество, военкоры и пр.) [5].

Все обозначенные выше константы нашей политической культуры прошли испытание временем, имеют ярко выраженный традиционный характер, способствуют сохранению и преумножению национального потенциала. Они не подвержены политической конъюнктуре, серьезно не трансформируются под воздействием внешних факторов и являются основой российского ДНК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):9–19.
2. Шатилов А.Б. Постсоветские подходы к изучению политической культуры. *Pro et Contra*. 2002;(3):183–194.
3. Стризое А.З. Пути политической модернизации России и традиции политической культуры. *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021;26(3):95–107.
4. Шатилов А.Б. «Поколенческие разрывы» как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):29–30.
5. Яковлева Е. «Мы победим общим мужеством»: Корреспондент «РГ» — о единении народа в порыве помочь участникам СВО и новым жителям России. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/kasaetsia-menia.html>

REFERENCES

1. Kharichev A.D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research materials and approbation). *Zhurnal politicheskikh issledovanij = Journal of Political Studies*. 2022;6(3):9–19.
2. Shatilov A.B. Post-Soviet approaches to the study of political culture. *Pro et Contra = Pro et Contra*. 2002;(3):183–194.
3. Strizoe A.Z. Ways of political modernization of Russia and traditions of political culture. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of VolSU. Series 4. History. Regional studies. International relations*. 2021;26(3):95–107.
4. Shatilov A.B. “Generational gaps” as a factor of conflict growth in modern Russian society. *Vlast’ = Power*. 2019;(4):29–30.
5. Yakovleva E. “We will win with common courage”: The correspondent of “RG” — about the unity of the people in a rush to help the participants of the SVO and new residents of Russia. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/kasaetsia-menia.html>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sc. (Political), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Chief Researcher, INION RAS, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2022; accepted for publication on 15.12.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.